Автор - Дмитрий Унжаков, Нижний Новгород (Россия).

ПАСТУХИ МОЕГО ДЕТСТВА

Пастухи моего детства

Пастухи моего детства
мало, чем от нынешних отличаются:
как правило, у них широкое сердце,
и к вечеру они качаются.

Мегатонны мата над сверкающим лугом...
Радуга... Прокуренные уста...
Бык, взгромоздившийся на подругу,
и – как выстрел – щелчок кнута.

Разве что... дяди Лёши нету –
как два года, земля ему пухом!

Бороздят вдоль реки голавлей торпеды,
но заброшены сети в угол.

Дядя Коля лежит – неприлично трезвый.
Над могилой – частушек рой.
Но не брызнет в ночь балалайка резвая –
у неё сквозной выходной...

Кепка в сизом дыму теряется –
это он на рыбалке курит.
Выпьем снова, и проявляется
склонность к литературе...

А река течёт - голодная сука,
отражая «венцы творения»,
и уносит нас, обслюнявив ухо
бесконечным стихотворением.

Старые привычки

Глаза верны привычкам старым
и вновь стремятся в глубину,
где звёзды марта, как омары,
угрюмо ползают по дну.

Крыльцо. Окурок. Над посёлком
искрится ковш, мерцает меч,
и если всматриваться долго,
то можно пару строк извлечь

о том, что мартовские кроны,
проснувшись, ветками хрустят,
и в звёздном свете отражённом
глаза, как лужицы, блестят.

Не верится

Набухают рощи сонные,
март оплавился с боков.
Словно яблоки сушёные
лица зимних рыбаков.

В захудалом каждом деревце
почек носики сопят,

и бомжам никак не верится,
в то, что выжили опять.

{jacomment off}